

Федосов А.В., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-Е - 1930-Е ГОДЫ.

Статья посвящена развитию идеологических построений Консервативной партии Великобритании в один из самых важных периодов мировой истории – период между двумя мировыми войнами (1919 – 1939 гг.). Именно в эти годы идеология оказывала колоссальное влияние на жизнь различных государств, а идеологические модели построения идеальных обществ активно претворялись в жизнь. Великая Октябрьская социалистическая революция в России в 1917 г., а затем приход к власти фашистов в Италии и нацистов в Германии в 1922 и 1933 гг. соответственно вызывали страх в среде традиционных британских элит. Особенную тревогу вызывал подъем социалистических настроений в обществе и быстрый рост популярности Лейбористской партии. В этих условиях, а также в условиях экономических трудностей середины 1920-х – 1930-х гг., Консервативная партия все больше обращается к социальным вопросам, а также создает образ своего рода «партии мира», ратуя за межклассовый мир и сотрудничество в противовес социалистическому классовому антагонизму. При этом, консерваторы не отказываются и от своих «вечных» ценностей, таких как уважение к обычаям и традициям Британии, сохранение частной собственности, патриотизм и т.д.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании, консерватизм, идеология, политика, межвоенный период.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-149-158

Введение. 20-е – 30-е гг. XX века стали переломным моментом в европейской истории. Возникновение в предшествующие десятилетия новых идеологий, ликвидация, в результате Первой Мировой войны, сразу трех великих европейских империй (Российской, Германской и Австро-Венгерской), а также социалистическая революция в России вели к изменению уже устоявшихся и привычных правил политического процесса, а также к появлению новых акторов на мировой политической арене. Старые партии постепенно теряют популярность и уходят в прошлое, а на смену им приходят новые: так, в Великобритании лейбористы достаточно быстро вытесняют либералов в качестве второй ведущей

политической силы. Однако Консервативная партия не только не теряет своей популярности, но даже набирает ее. Конечно, консерваторам приходилось подстраиваться под меняющиеся условия, например, расширяя свою социальную программу дабы угодить рабочим. Однако, несмотря ни на что, они сохраняют в неизменном виде основные положения британского консерватизма, такие как уважение к традициям и обычаям, верность короне и английской конституции, патриотизм и империализм.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является идеология Консервативной партии в межвоенный период, а его методоло-

гической основой – принципы объективности, историзма и научности. Основное внимание при написании статьи было уделено англоязычным источникам и историографии по указанной теме.

Результаты и обсуждение.

Прежде чем переходить к заявленной теме, дадим определение самому понятию «идеология». Итак, согласно Новой философской энциклопедии, идеология – это «система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений); идеология и форма общественного сознания – составные части культуры, духовного производства» [1, с.81]. Английский консерватизм как идеология появляется в конце XVIII в. в связи с событиями Французской революции и до интересующего нас межвоенного периода остается практически неизменным. При этом, как отмечал один из наиболее влиятельных британских консервативных идеологов Х. Сесил, его «можно понимать в двух смыслах. Он может означать догматы Консервативной партии или естественную склонность человеческого разума, ни в коем случае не ограничивающуюся теми людьми, которые голосуют за консерваторов в партийной политике» [9, р.8]. И далее: «Естественный консерватизм – это тенденция человеческого разума. Это нежелание перемен; оно проистекает отчасти из недоверия к неизвестному и

соответствующего доверия к опыту, а не к теоретическим рассуждениям; отчасти из способности людей приспосабливаться к своему окружению, так что знакомое только в силу своей известности становится более приемлемым или более терпимым, чем незнакомое...» [9, р.9].

Что же касается партийной идеологии, то в ее основе в 1920-е – 1930-е гг., как и во времена Э. Берка и Б. Дизраэли, лежали уважение к традициям, почтение к существующим политическим и религиозным институтам, в первую очередь к королю, неписаной английской конституции и Англиканской церкви, патриотизм и стремление не допустить резких, революционных изменений в обществе [9, р.13, 36-39, 244]. Поэтому говорить об эволюции и изменении идеологии Консервативной партии вряд ли возможно.

Однако, при всей неизменности общих идеологических установок партии, с изменением общественно-политических условий в Великобритании, приходилось подстраивать свою политику под эти условия. При этом некоторые исследователи даже выделяют некие «идейные направления» в рамках Консервативной партии, представители которых по-разному отвечали на вызовы времени. Так, Т. Рассел пишет о существовании «реакционного крыла» и «прогрессивных консерваторов», а Р. Макдауэлл определяет эти направления как «традиционный торизм», во главе которого стояли лорд Солсбери и А. Бальфур, и «конструктивный торизм», руководимый Дж. Чемберленом [2, с.46]. На наш взгляд, выделение этих направлений не имеет под собой никакого основания, ведь они не упомянуты ни в документах партии, ни в воспоминаниях, ни в работах консервативных

деятелей той поры.

В целом, с идеей отсутствия у консерваторов конкретной идеологии соглашались и британские историки. Например, С. Болл пишет: «Консерватизм – это скорее широкие взгляды, чем конкретные принципы. Это скорее вопрос темперамента, чем идеологии, и по этой причине его всегда было трудно определить. Традиции внутренних дебатов не было: большинство работ о консерватизме были написаны как личные заявления, и, кроме традиционного преклонения перед Берком или Дизраэли, они не вступали в дискуссию друг с другом. Консерваторы также не стремились формулировать подробную политику и программы; планы действий, естественно, были неуместны для партии, которая стремилась сохранить статус-кво» [7, p.25-26]. При этом некоторые исследователи полагают, что именно сознательный отказ консерваторов от идеологии стал одной из причин их долгосрочного успеха [17, p.X; 7, p.27; 16, p. 192]. Так, Дж. Барнс пишет: «Консерваторы считают, что идеология в лучшем случае является неадекватным руководством для политической практики» [8, p.318]. А Р. Хорнби отмечал: «Консерваторы часто с гордостью говорят, что их партия не является заложницей жесткого набора принципов. Они скептически относятся к теориям и предпочитают прагматичный подход к делам...» [14, [p. 229].

Это отсутствие конкретики может быть истолковано как простой прагматизм, ведь главной целью любой партии является получение и удержание власти. Однако британские историки отмечают, что политика консерваторов была гораздо сложнее, о чем сви-

детельствуют проблемы внутри партии, периодические трения между низами и лидерами, а также периоды в оппозиции [7, p.26]. При этом всегда существовала тенденция считать, что консерватизм – это то, что выражают консервативные лидеры и возглавляемые ими правительства, и им обычно выражали значительную, но не безграничную поддержку. Лидеры, которые не уважали интересы или традиции партии быстро теряли эту поддержку. Одного лишь прагматизма было недостаточно, чтобы вдохновить последователей. Когда умеренность и осторожность начинали преобладать в имидже партии, как в 1928-1930 гг., результатом становилась апатия в избирательных округах, поражение на выборах и, как следствие, недовольство, грозившее сместить лидера. Как отмечает С. Болл, консерваторы никогда не чувствовали себя комфортно ни с одним действительно прагматичным правительством. Даже в военное время партия часто была не согласна с решениями, основанными на целесообразности, например, по поводу ирландской воинской повинности в 1917-1918 годах или судьбы Польши и Восточной Европы в 1944-1945 годах. Самое прагматичное из современных министерств мирного времени – коалиция Ллойд Джорджа 1918-1922 годов – вызывала отторжение у большинства членов парламента от консерваторов и была низвергнута партийными настроениями снизу [7, p.26].

Таким образом, Консервативная партия сохраняла свой «отличительный характер и организационную цель» [7, p.26], при этом не скатываясь к беспринципной целесообразности и не ограничивая себя жесткими идеологическими рамками. Находясь на

службе у определенных экономических и социальных групп, партия основывалась на сочетании интеллектуального подхода и эмоциональной привлекательности [12]. Однако, как полагают многие историки Консервативной партии, это вовсе не означает, что ей не хватало последовательности, ведь, как отмечалось выше, всегда существовало несколько положений, характерных для консервативного образа мышления, о которых стоит поговорить подробнее.

Среди этих положений едва ли не важнейшее место занимал уже упомянутый «естественный консерватизм», который часто считается основой английского национального характера вообще. Природу этого явления можно вывести из иерархичности английского общества, в котором каждый стремился занять более высокое положение [20, p.189-190] и, в случае успеха, хотел сохранить его и уберечь от посягательств других. Соответственно, никто не хотел разрушения существующего социального порядка: одним он гарантировал сохранение их привилегий, а другим давал возможность занять более высокое положение в обществе.

Другим элементом «естественного консерватизма» было отношение к частной собственности, которая в англо-саксонских обществах всегда была едва ли не святыней: без собственности были бы невозможны права, свободы и обязанности, а люди бы постоянно враждовали из-за нее [18, p.99-100]. Кроме того, частная собственность не давала государству злоупотреблять своими полномочиями [8, p.326-327]. Таким образом, сохранение и приумножение собствен-

ности также требовали сохранения социального порядка и отсутствия резких изменений, поэтому англичане всегда настороженно относились к любым идеологиям, которые предполагали перераспределение собственности. Именно в консервативной среде возникла идея «демократии собственников» (a property-owning democracy) – ее выдвинул в 1924 г. Н. Скептон, и суть ее заключалась в том, что для сохранения собственности необходимо распространить это право на как можно большее число членов общества [8, p.326]. Не случайно также, что нормы, касающиеся охраны прав частной собственности содержатся практически во всех английских конституционных актах, начиная с Великой хартии вольностей 1215 г.

Вообще, неписаная английская конституция была одним из «столпов» консервативной идеологии, т.к., развиваясь в течение многих веков на основе прецедентов и обычаев, было хорошо приспособлено к национальным потребностям, и потому отражало представления консерваторов о том, каким должно быть общество: «Оно выступало в качестве жизненно важного оплота индивидуальной свободы и собственности, предотвращая злоупотребления со стороны сильных мира сего, обеспечивая соблюдение общественными институтами своих обязанностей, предоставляя каналы для подачи жалоб и возмещения ущерба, а также обеспечивая сплоченность общества» [7, p.28].

Другим «столпом» английского консерватизма была Англиканская церковь, которая символизировала не только собственность, власть и стабильность, но и национальную иден-

тичность в борьбе с иностранным господством [7, р.27]. А для религиозных консерваторов она была гарантией того, что религиозная основа национальной жизни будет сохранена.

Консерваторы постоянно адаптировались к новым реалиям и начиная со времени Б. Дизраэли, на первое место выходит идея патриотизма, которая стала едва ли не основой партийной идеологии. С. Болл отмечает: «Самидентификация Консервативной партии с патриотизмом была очень сильной: она не могла ни признать, ни принять другую позицию. Либералы и социалисты были «маленькими англичанами», чья нерешительная слабость оставила бы британские интересы за рубежом уязвимыми для более жестких конкурентов и позволила бы национальной обороне прийти в упадок» [7, р.28]. Патриотизм и вытекавший из него империализм – гордость за империю, над которой «никогда не заходит солнце», – должны были способствовать «разрядке» внутренней напряженности, сплачивать нацию вокруг единых понятных образов: «то, что объединяет все классы, – это преданность нации, а то, что трогает людей всех сословий, – это символическое представление нации: монарх, флаг, гимн» [15, р.5]. Апелляция к патриотизму нашла свое отражение и в названии партии: к 1902 г. термин «юнионист»¹ в значительной степени вытеснил термин «консерватор» из лексики партии, и последний снова стал общеупотребительным лишь в середине 1920-х годов [7, р.29], после того как Ирландия вышла из состава Соединенного Королевства.

Таким образом, патриотизм стал

отправной точкой для развития других идеологических конструкций консерватизма: идей единой нации и межклассового мира, социального реформизма (также социальный консерватизм, т.е. постепенный рост уровня жизни широких слоев населения), «демократии тори» (расширение избирательного права) [15, р.30, 32].

Патриотизм и вытекающие из него идеи сохраняли свою актуальность и в межвоенный период. В 1924 г. С. Болдуин в одном из своих выступлений заявил о приверженности консерваторов дизраэлевской идее единой нации [19]. Обращался он к ней и позднее, постоянно говоря о необходимости «Божьего мира» и «духа товарищества между работодателями и работниками», а также «недопущении классовой войны» [6, р.40; 4, р.6, 13]. Причиной этому стало возвышение в 1920-е гг. Лейбористской партии, напугавшее традиционные элиты и заставившее их пойти на уступки рабочему классу, выразившиеся в расширении избирательных прав в 1918 и 1928 гг., дальнейшем улучшении уровня жизни, выплатах пенсий и пособий и т.п.

Таким образом, комбинация идей межклассового единства и социального реформизма сформировала основу для так называемого «нового консерватизма» С. Болдуина, хотя, по сути, его идеи являлись лишь пересмотром идей Б. Дизраэли и их применением к новым условиям, о чем и сам он неоднократно упоминал в своих выступлениях и работах. Таким образом, говорить о «новом» консерватизме вряд ли возможно, поскольку ничего принципиально нового в нем, при бли-

¹ От англ. Union – «союз», под которым понималось Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии.

жайшем рассмотрении, не было. Говорить стоит, скорее, об устойчивой консервативной традиции, тянущейся со времен Б. Дизраэли.

Наконец, осталось рассмотреть еще один элемент консервативной идеологии, а именно отношение к государству, обществу и их взаимодействию.

Консерваторы, еще со времен Э. Берка, относились к обществу как к живому организму, слишком сложному для человеческого понимания, а раз так, то и изменения в него следовало вносить постепенно [9, р.48]. Далее, человеческая природа, по мнению консерваторов, несовершенна, поэтому они всегда делали акцент не на правах человека, а на обязанностях индивида [7, р.30]. Из этого же вытекал страх перед концепциями, стремившимися создать «идеальное» общество, будь то радикальный либерализм эпохи Великой Французской революции или социализм 1920-х гг. Консерваторы боялись предлагаемых социалистами социальных «экспериментов», особенно классовой борьбы и перераспределения собственности [4, р.13]. В то же время, некоторые мыслители, например, Х. Сесил полагали, что между консерватизмом и социализмом нет никакого противоречия и противопоставления [9, р.195-196, 246, 248-249]. В целом же британским консерваторам «повезло» в том, что идеи их оппонентов можно было представить, как иностранные, а значит, чуждые, неполноценные и неподходящие для любого патриота. Сами они были изоляционистами, почти не общались с правыми партиями за рубежом и не испытывали к ним симпатии. Им не нравились тесные связи большинства из них с промышленностью и католической церковью

[7, р.33], при том, что связи самих консерваторов с английским капиталом и Англиканской церковью никогда особо не скрывались.

В целом, консерваторы были более авторитарными и прагматичными в своем отношении к государству. Там, где какие-то функции должны были быть переданы от частных лиц государству, как в военное время, они не боялись расширять полномочия центральной власти, т.к. одним из элементов мышления консерваторов всегда было «сильное» правительство. Под этим подразумевалось не только поддержание социального порядка, но и то, что оно должно следовать четким принципам и законам. Поэтому некоторые исследователи даже полагают, что консерватизм всегда был «формой патерналистского социализма» [12, р.137]. Как бы то ни было, консерваторы были готовы пойти на принуждение, но в то же время тщательно следили за тем, чтобы обеспечить компенсацию за нарушение прав собственности. Там, где правительство брало на себя руководство частной промышленностью, должна была обеспечиваться «нормальная» норма прибыли для владельцев и акционеров, но все, что носило характер «наживы», особенно в военное время, оскорбляло патриотизм и вызывало их враждебность [7, р.31]. Поэтому в межвоенный период консерваторы использовали различные меры для борьбы с экономическим застоем в Великобритании, включая квоты на импорт, субсидии, региональную помощь, рационализаторские схемы и маркетинговые советы. Эти и другие, в том числе социально ориентированные, меры отражали два элемента консерватизма: стремление к «честной игре» и поддержание эффективности и легитимности

правительства. Они не сводились ни к корпоративизму, ни к стремлению к «смешанной» экономике или управляемому капитализму [7, p.32].

Демократия была наиболее предпочтительной формой правления для консерваторов и составляла основу британской политической системы. Как писал Б. Дизраэли еще в 1835 году, она поддерживает институты страны, созданные ради общего блага и обеспечивающие равенство гражданских прав [11, p.183]. 89 лет спустя С. Болдуин пел дифирамбы демократии, говоря, что это «самая сложная форма правления, и поэтому она более достойна того, чтобы мы отдали свои жизни ради ее успеха» [4, p.30]. Саму демократию он определял как «правительство народа, созданное народом через своих свободно избранных представителей» [5, p.70]. Несколько иное определение британской демократии дал Л. Эмери: «демократия по согласию, а не по представительству, правительство народа, для народа, с народом, но не от народа» [3, p.21]. А Х. Сесил и вовсе называл «притворством» утверждение, что Палата общин представляет народ [9, p.237]. Как видим, отношение к демократии было не вполне однозначным. Его можно охарактеризовать знаменитой фразой, приписываемой У. Черчиллю: «Демократия – плохая форма правления, но человечество еще не придумало ничего лучше». Поскольку английская парламентская модель неплохо зарекомендовала себя в условиях как мира, так и войны, консерваторы не видели смысла ее менять. Тем более, что сложилась она исторически, а потому отражала, как писал Х. Сесил, черты английского национального характера [9, p.218]. Кроме того, что важнее, эта

система обеспечивала участие консерваторов в управлении страной: в межвоенный период, с 1918 по 1935 гг. количество голосующих за партию выросло примерно втрое [10, p.16]. Естественно, это способствовало стремлению консерваторов сохранить систему в неизменном виде.

Консервативное мировоззрение передавалось широкой публике несколькими способами. Первым из них были речи ведущих деятелей, звучавшие либо непосредственно на массовых собраниях, которые были основой политической кампании вплоть до 1950-х годов, либо по радио с начала 1920-х годов. Вторым была популярная массовая пресса, а поскольку большинство людей обычно покупали идейно близкие им газеты, то пресса скорее укрепляла их взгляды, чем меняла или создавала их. В-третьих, свою роль сыграло прямое распространение собственной партийной литературы. Плакаты, листовки и публикации содержали множество резонансных образов как в языке, так и в визуальном изображении, особенно в карикатурах. Тонкости отбрасывались, чтобы добиться воздействия с первого взгляда, и в ходу были грубые стереотипы. Эмблемы национального единства, такие как флаг, Британия и простая фигура Джона Буля, противопоставлялись бродячему агитатору, за которым стояли зловещие большевики с револьверами на поясе [7, p.34-35]. Архитекторами партийной системы пропаганды в межвоенную эпоху стали Джон Дэвидсон, председатель партии, и Джозеф Болл, бывший офицер военной разведки [13, p.34, 37-38]. Вместе они создали партийную машину агитации, которая во многом

способствовала успехам консерваторов на выборах в межвоенное время.

Заключение (выводы). Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что Консервативная партия обладала двумя преимуществами перед своими соперниками: она была более сплочена и легче приспосабливалась к меняющимся общественно-политическим условиям, а ее ценности и традиции отражали ценности и традиции тех социальных групп, которые поддерживали партию. Конечно, разногласия и внутренние конфликты имели место, а отдельные личности иногда покидали партию (самый яркий пример – У. Черчилль), однако массового исхода не было, а возникающие конфликты обычно быстро разрешались благодаря единству идей.

При этом консервативные принципы были не абстракциями, а инструментами, которые использовались для достижения практических целей. Идеи, предрассудки и образы консерватизма использовались для предотвращения классовой поляризации и

для обеспечения легитимности иерархической власти. Консерваторы стремились сохранить национальную идентичность и гордость, которые делали Британию сильной в мирное время и единой во время войны или кризиса. Также, эти принципы могли быть направлены как на ограничение, так и на оправдание действий, предпринимаемых государством. Наконец, они вносили решающий вклад в привлечение поддержки, необходимой для завоевания власти. Они часто упоминались без каких-либо дополнительных пояснений, поскольку консерваторы знали и понимали, особенно на эмоциональном уровне, что имеется в виду, и реагировали или судили соответственно [7, р.34-35]. Это также позволяло свободно маневрировать в нестабильном политическом пространстве 1920-х – 1930-х гг., приспосабливаясь к новым условиям и расширяя, таким образом, свою электоральную базу, и, одновременно, сохраняя приверженность базовым идеалам консерватизма.

Список литературы

1. Новая философская энциклопедия. Т. II. М.: Мысль, 2010. 634 с.
2. Чумак О.А. Эволюция политического курса британских консерваторов (1906-1931 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 274 с.
3. Amery L. Thoughts On the Constitution. London; New York; Toronto, 1964. 195 p.
4. Baldwin S. Looking Ahead. Unionist Principles and Aims. London, 1924. 54 p.
5. Baldwin S. On England, and Other Addresses. London, 1926. 276 p.
6. Baldwin S. Peace and Goodwill in Industry. London, 1925. 80 p.
7. Ball S. The Conservative Party and British Politics. New York, 2013. 166 p.
8. Barnes J. Ideology and Factions / Conservative Century: The Conservative Party since 1900. Ed. by A. Seldon, S. Ball. Oxford; New York, 1994. P.315-346.
9. Cecil H. Conservatism. London, 1912. 256 p.
10. Cracknell R., Uberoi E., Burton M. UK Election Statistics, A Long Century of Elections. London: House of Commons Library, 2023. 110 p.
11. Disraeli B. Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned Lord. London, 1835. 210 p.

12. Glickman H. The Toryness of English Conservatism // *Journal of British Studies*. Vol.1. №.1. 1961. P.111-143.
13. Hollins T.J. The Presentation of Politics: The Place of Party Publicity, broadcasting and Film in British Politics, 1918-1939. Leeds, 1981. 374 p.
14. Hornby R. Conservative Principles // *Political Quarterly*. 32. 1961. 229-237 p.
15. O’Gorman F. British Conservatism: Conservative Thought from Burke to Thatcher. London, 1986. 237 p.
16. Pym F. The Politics of Consent. London, 1985. 212 p.
17. Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin, 1902-1940. London; New York: Longman, 1978. 400 p.
18. Scruton R. The Meaning of Conservatism. Harmondsworth, 1980. 204 p.
19. The Times, December 5, 1924.
20. Watson G. The English ideology; studies in the language of Victorian politics. London, 1973. 276 p.

THE EVOLUTION OF THE IDEAS OF THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN IN THE 1920S - 1930S.

The article is devoted to the development of ideological constructions of the Conservative Party of Great Britain in one of the most important periods of world history - the period between the two world wars (1919 - 1939). It was in these years that ideology had a tremendous influence on the life of various states, and ideological models of building ideal societies were actively implemented. The Great October Socialist Revolution in Russia in 1917, followed by the rise to power of the Fascists in Italy and the Nazis in Germany in 1922 and 1933 respectively, caused fear among traditional British elites. The rise of socialist sentiments in society and the rapid growth of the Labor Party's popularity were particularly alarming. In these conditions, as well as in the conditions of economic difficulties of the mid-1920s-1930s, the Conservative Party increasingly turned to social issues, and also created an image of a kind of “party of peace”, advocating inter-class peace and cooperation as opposed to socialist class antagonism. At the same time, the Conservatives do not abandon their “eternal” values, such as respect for British customs and traditions, preservation of private property, patriotism, etc.

Keywords: Conservative Party of Great Britain, conservatism, ideology, politics, interwar period.

References

1. Novaia filosofskaia entsiklopediia (2010) [New Philosophical Encyclopedia]. T.II. M.: Mysl', 2010. 634 s.
2. Chumak O.A. (1999) Evoliutsiia politicheskogo kursa britanskikh konservatorov (1906-1931 gg.) [The British Conservative political course evolution]: diss. ... kand. ist. nauk. Samara, 1999. 274 s.
3. Amery L. (1964) Thoughts On the Constitution. London; New York; Toronto, 1964. 195 p.
4. Baldwin S. (1924) Looking Ahead. Unionist Principles and Aims. London, 1924. 54 p.
5. Baldwin S. (1926) On England, and Other Addresses. London, 1926. 276 p.
6. Baldwin S. (1925) Peace and Goodwill in Industry. London, 1925. 80 p.
7. Ball S. (2013) The Conservative Party and British Politics. New York, 2013. 166 p.

8. Barnes J. (1994) *Ideology and Factions / Conservative Century: The Conservative Party since 1900*. Ed. by A. Seldon, S. Ball. Oxford; New York, 1994. P.315-346.
9. Cecil H. (1912) *Conservatism*. London, 1912. 256 p.
10. Cracknell R., Uberoi E., Burton M. (2023) *UK Election Statistics, A Long Century of Elections*. London: House of Commons Library, 2023. 110 p.
11. Disraeli B. (1835) *Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned Lord*. London, 1835. 210 p.
12. Glickman H. (1961) *The Toryness of English Conservatism* // *Journal of British Studies*. Vol.1. №.1. 1961. P.111-143.
13. Hollins T.J. (1981) *The Presentation of Politics: The Place of Party Publicity, broadcasting and Film in British Politics, 1918-1939*. Leeds, 1981. 374 p.
14. Hornby R. (1961) *Conservative Principles* // *Political Quarterly*. 32. 1961. 229-237 p.
15. O’Gorman F. (1986) *British Conservatism: Conservative Thought from Burke to Thatcher*. London, 1986. 237 p.
16. Pym F. (1985) *The Politics of Consent*. London, 1985. 212 p.
17. Ramsden J. (1978) *The Age of Balfour and Baldwin, 1902-1940*. London; New York: Longman, 1978. 400 p.
18. Scruton R. (1980) *The Meaning of Conservatism*. Harmondsworth, 1980. 204 p.
19. *The Times*, December 5, 1924.
20. Watson G. (1973) *The English ideology; studies in the language of Victorian politics*. London, 1973. 276 p.

Об авторе

Федосов Андрей Владимирович – ассистент факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Fedosov Andrey Vladimirovich – Assistant of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru